

На правах рукописи

Секенова Ольга Игоревна

**СТРАТЕГИИ САМОРЕАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКИХ И СОВЕТСКИХ
ЖЕНЩИН-ИСТОРИКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА: ДИНАМИКА ПЕРЕМЕН, ПРЕОДОЛЕНИЕ
ГЕНДЕРНЫХ АСИММЕТРИЙ**

Специальность 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2021

Работа выполнена в Центре гендерных исследований ФГБУН «Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук»

Научный руководитель **Пушкарева Наталья Львовна** – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра гендерных исследований ФГБУН «Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук», Заслуженный деятель науки РФ

Официальные оппоненты: **Валькова Ольга Александровна** – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела историографии и источниковедения истории науки и техники ФГБУН «Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук»

Жигунова Марина Александровна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии, музееведения ФГБУН «Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук»

Ведущая организация ФГБУН «Институт российской истории Российской академии наук»

Защита состоится 10 марта 2022 года в 14.00 на заседании Диссертационного совета Д 002.117.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, созданного на базе ФГБУН «Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН» по адресу: 119334, Москва, Ленинский проспект, 32А, корпус «В», 18 этаж, Малый зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН: www.iea-ras.ru

Автореферат разослан «___» _____ 2022 года

Ученый секретарь
диссертационного совета,
к.и.н.

Лейбова Наталья Александровна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Антропология академической жизни – сравнительно новое направление для отечественных антропологических исследований. Изучение любого профессионального научного сообщества антропологическими методами позволяет обратить внимание не только на существование людей в науке, но и на сложившиеся исторически особенности формирования отечественных академических корпораций, истоки особой профессиональной ментальности научных работников. Междисциплинарный характер антропологии академической жизни может стать основой для сочетания самых разнообразных методов и подходов. В частности, перспективным направлением может стать исследование научной повседневности с использованием гендерной методологии, тем более что статус и права женщин – особой группы внутри академического сообщества – отечественной гуманитаристикой почти не затрагиваются. Множество российских профессиональных групп до сих пор не были охвачены комплексными антропологическими исследованиями в их гендерном измерении. Почти не изучена специфика научного труда первых женщин-историков в Российской империи и СССР. Антропологический же ракурс исторического исследования сможет дать возможность посмотреть на вклад женщин-историков не только и не столько в ракурсе истории ментальностей, истории идей, но в ракурсе изучения истории научной повседневности, домашнего и внедомашнего быта представительниц данной профессиональной группы; и на примере небольшой активной группы женщин, стремившихся к самореализации в науке, рассмотреть процесс формирования академической корпорации сто и более лет тому назад. Изучение привычных, обыденных сторон частной жизни первых российских и советских женщин-историков сможет дать возможность раскрыть процесс вхождения женщин в сообщество коллег и увидеть те проблемы, которые стояли перед ними в эпоху серьезной трансформации отечественной исторической науки. Анализ путей и способов адаптации женщин к существованию в академической среде в этом случае будет иметь и практический смысл, стимулируя интерес исследователей к рутинным сторонам научной работы.

Общественная и научная дискуссия о современном положении женщин в науке затрагивает проблемы распределения бюджета времени, необходимого для творческой исследовательской деятельности и качественной рекреации, проблемы стратегий совмещения частного и публичного в повседневной жизни ученого. Эти стороны жизни социальной группы ученых эвристически ценно было бы проанализировать и в ракурсе историческом.

Изучение академической повседневности женщин-историков прошлого имеет также высокую общественную значимость.

С 2016 года по инициативе Генеральной Ассамблеи ООН 11 февраля во всем мире отмечается Международный день женщин и девочек в науке. Главная задача этой инициативы – обеспечение полного и равного доступа к науке для девочек и женщин, характерного не для всего мирового сообщества. Хотя женщины в гуманитарных науках в России сегодня представлены шире, чем в естественных, путь к их признанию в профессии еще требуется изучить. Когда впервые в российской истории женщина-исследователь прошлого смогла стать преподавателем этого предмета в высшем учебном заведении? Быстро ли росло число таковых исследовательниц и преподавательниц, и в каких вузах страны им были готовы дать рабочие места? Какую роль сыграли в этом различные институты (типа Высших женских курсов), способствуя решению одной из главных задач женского движения первой волны – задачи обеспечения доступа к профессии, к высшему образованию женщин?

Спустя более века с той поры, на современном этапе есть все историографические и источниковедческие возможности оценить реальный вклад женщин второй половины XIX – первой половины XX в. не только в историческую науку как таковую, но и проследить

динамику изменений повседневности и бытовой стороны научной жизни, происходивших на фоне смены научных парадигм и серьезных общественных потрясений первой половины XX века, заставивших несколько позабыть конкретные имена ряда женщин-историков. Перед исследователями стоит задача выявить эти имена и постараться понять, как профессиональная и личная повседневность этих женщин повлияла на их успехи и неудачи в профессии историка.

Объект исследования – женская часть профессионального сообщества российских и советских историков, трудившихся в 1860-1941 гг.

Предмет исследования – стратегии самореализации женщин-историков в Российской империи и в СССР во второй половине XIX - первой половине XX века, их частная и публичная повседневность.

Хронологические рамки исследования охватывают период 1856-1941 гг. Первая хронологическая граница исследования определяется началом эпохи Великих реформ, в ходе которой произошли значимые изменения в сфере науки и образования, а движение за женскую эмансипацию ознаменовало новый этап в утверждении прав женщин на участие в научно-образовательной деятельности. Верхняя хронологическая граница исследования (1941 год) определяется началом Великой Отечественной войны, полностью преобразившей повседневную жизнь интеллигенции Советского Союза и изменившей существовавшие на тот момент практики научно-исследовательской работы историков. Выбор периода 1860-1941 гг. дает возможность проследить изменения в повседневной жизни женщин-историков в период трансформации системы взаимоотношений внутри академического сообщества в условиях кризиса государственности Российской империи и становления советской системы организации научных учреждений.

Территориальные рамки исследования охватывают территорию Российской империи, РСФСР и СССР в их государственных границах на 1860-1941 гг., особое внимание уделяется Москве и Санкт-Петербургу (Петрограду/Ленинграду) как местам формирования наиболее значимых исторических научных школ.

Степень изученности проблемы.

Традиционно, изучение профессиональной повседневности в советской историографии ограничивалось рабочим классом, его уровнем жизни и взаимодействием с государственными и партийными структурами, тогда как образ жизни интеллигенции и *академическая повседневность* не являлись предметом научных исследований. В 1994 году Д.А.Александров впервые определил основные направления изучения «исторической антропологии науки» в России, среди ключевых проблем изучения академического сообщества называя историю кружков и объединений ученых, принципы патронажа в академической корпорации, «жизненные миры» ученых как форму научной повседневности¹. Во многом благодаря этому исследователю на русский язык была переведена уже ставшая классической монография немецкого историка науки Фрица Рингера, вышедшая в 1969 году и повествующая о немецком академическом сообществе в эпоху перемен с 1890 по 1933 гг.² Как и французский социолог, автор исследования «Номо academicus» П.Бурдьё³, Ф.Рингер рассмотрел складывание академической корпорации как результат универсальных социальных процессов, формировавших научную интеллигенцию, систему ее воспроизводства и функционирования. Еще одним достижением социологических исследований академической корпорации стала предложенная Р.К.Мертоном концепция «эффекта Матфея», объяснявшая неравномерное

¹ Александров Д.А. Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 3-22.

² Рингер Ф. Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1890-1933. Москва: Новое литературное обозрение, 2008.

³ Бурдьё П. Номо academicus. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018.

распределение материальных и нематериальных ресурсов между представителями научного сообщества⁴.

В 1980-е гг. появились исследования, применяющие к изучению науки не только социологические, но и «этнографические» методы. Так, австрийский социолог К. Кнорр-Цетина предложила изучать научные коллективы как эпистемические культуры (культуры производства знания), демонстрируя на примере повседневной жизни двух научных лабораторий, что, несмотря на кажущееся единство науки и научного метода, даже в естественных и точных науках полученное знание серьезно зависит от существующих в академической группе практик производства информации⁵. Социологи Б.Латур и С.Вулгар также предложили изучать научные коллективы методом включенного наблюдения и проанализировали деятельность научных лабораторий в рамках акторно-сетевой теории⁶, предопределив изменения в подходах к изучению истории науки. С 1960-х гг. они не ограничивались областью истории идей. Социальная история науки в большей степени интересовалась внутренним устройством академической жизни и повседневностью «мастерской историка», объясняя, что такими методами можно представить производство научных открытий частью обыденной социальной реальности. Рутинные явления повседневности в этих исследованиях служили иллюстрациями структурных изменений в системе науки и образования.

Антропологический поворот в истории науки в России произошел несколько позднее, чем за рубежом, но и он нашел отражение в работах отечественных историков. Так, изучая научные школы исследователей прошлого, многие ученые обращали внимание именно на взаимоотношения внутри институтских коллективов, на практики ежедневного взаимодействия внутри них. Московская школа историков стала предметом исследований Л.А.Сидоровой⁷, петербургская школа медиевистов - А.В.Свешникова, рассматривавших научные школы как неформальные сообщества профессиональных исследователей, чьи успехи и неудачи во многом зависели от коммуникаций внутри группы и способов профессионального взаимодействия⁸. Н.В.Кефнер охарактеризовала научную повседневность послевоенного поколения историков через анализ коммуникативных практик академического наставничества и изучение коллективных форм организации научной деятельности⁹.

Проблематизация внерабочей, домашней повседневности ученых – особое направление в антропологии научного сообщества, начало формированию которого положено исследованиями Н.Л.Пушкаревой¹⁰ и О.А.Хабибрахмановой¹¹ о системе

⁴ Merton R. The Matthew Effect in Science // Science. 1968. №159 (3810). P. 56-63.

⁵ Knorr-Cetina K. The manufacture of knowledge: an essay on the constructivist and contextual nature of science. Oxford, New York: Pergamon Press, 1981.

⁶ Latour B., Woolgar S. Laboratory life: The construction of scientific facts. Princeton: Princeton University Press, 1986.

⁷ Сидорова Л.А. Советские историки: духовный и научный облик. М.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2017; Сидорова Л.А. Повседневная жизнь московских историков // Журнал "Русская история". №4. 2011. История и власть. URL: <http://rus-istoria.ru/library/text/item/561-povsednevnyaya-zhizn-moskovskih-istorikov> (дата обращения: 10.07.2021).

⁸ Свешников А.В. Как поссорился Лев Платонович с Иваном Михайловичем (история одного профессорского конфликта) // Новое литературное обозрение. №96. 2009. С. 42 – 72; Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск: Изд-во ОмГУ, 2010.

⁹ Кефнер Н.В. Научная повседневность послевоенного поколения советских историков: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Омск, 2006.

¹⁰ Пушкарева Н.Л. Когда зарплаты были большими: материальное поощрение советских ученых в 1921-1953 гг. // Российская история. 2016. № 6. С. 69-82.

¹¹ Хабибрахманова О.А. Жилищная политика власти и научная интеллигенция ТАССР в 1920-1930 гг // Эхо веков. 2012. № 3-4. С. 68-70; Хабибрахманова О.А. Политика советской власти по социальному обеспечению научной интеллигенции Татарстана в 1920-1930-е гг // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 1. С. 36-39.

материального поощрения исследователей советского периода. С 2007 года в ИЭА РАН начала формироваться научная школа по исследованию антропологии современной академической жизни (под руководством Г.А.Комаровой)¹².

Каждая из приведенных выше работ отвечает задачам антропологического исследования истории науки: в них корпорации исследователей рассматриваются не как умозрительная модель, а как живые активные структуры, объединенные неформальными внутригрупповыми правилами, меняющиеся под воздействием внешних политических и социальных факторов. Этим объясняется необходимость изучать не только научные сообщества, но и самих акторов научного процесса через традиционную методологию биографических исследований.

Биографические исследования российских и советских женщин-историков можно условно разделить на просопографические (главной задачей которых было создание некоего коллективного портрета женщин-ученых) и посвященные конкретным личностям, внесшим наибольший вклад в отечественную историческую науку. Необходимо отметить три крупных биобиблиографических проекта, посвященных отечественным историкам – во-первых, это биографический словарь А.А.Чернобаева, включающий сведения об отечественных историках XX века¹³, во-вторых, проект «Биографика СПбГУ»¹⁴ и, в-третьих, еще не заверченный проект Томского государственного университета «Профессора и преподаватели российских университетов (вторая половина XVIII - начало XX в.)»¹⁵. Подобные проекты, созданные в формате базы данных, дают широкий спектр возможностей для просопографических исследований академических корпораций Российской империи и СССР¹⁶ и могут транслировать свой успешный опыт для изучения университетских сообществ разных эпох.

Тем не менее, женщинам-ученым в коллективных биографиях исследователей уделялось меньше внимания. Так, дореволюционных женщин-ученых как отдельное явление, важное для развития отечественной науки, впервые рассмотрела О.А.Валькова¹⁷. Она отдельно остановилась на вопросе нормативно-правового регулирования научного труда женщин в дореволюционном и раннем советском законодательстве¹⁸. О.А.Валькова одной из первых отметила, что неверным является стереотипное представление о том, что женщины в российской науке появились только в результате политики первых лет советской власти; интеграция женщин в науку началась еще в конце XVIII века¹⁹. Историк Е.А.Долгова вместе с социологом Е.А.Стрельцовой, используя статистические методы, проанализировали процесс вхождения женщин в советскую науку в 1920-е гг.²⁰

¹² Комарова Г.А. Антропология академической жизни: опыт интеграции наук // Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии. Москва, 2016. С. 224-246; Антропология академической жизни: традиции и инновации / Отв. ред., автор и сост. Г. А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2013; Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии / Отв. ред., сост. Г. А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2016.

¹³ Чернобаев А.А. Историки России конца XIX – начала XXI века: Биобиблиографический словарь. Т. 1–3. М.: Собрание, 2016–2017.

¹⁴ Биографика СПбГУ. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/> (дата обращения: 2.07.2021).

¹⁵ Профессора и преподаватели российских университетов (вторая половина XVIII — начало XX в.). URL: <http://persons.russianuniversityhistory.tsu.ru/> (дата обращения: 2.07.2021).

¹⁶ Дворниченко А.Ю., Ростовцев Е.А., Баринов Д.А. Опыт коллективного портрета историков столичного университета Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т.64. Вып.1. С.24-52.

¹⁷ Валькова О.А. Штурм цитадели науки. Женщины-ученые Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2019.

¹⁸ Валькова О.А. Государственная политика в сфере профессионального научного труда женщин в России: конец XIX века - 30-е годы XX века // Расписание перемен: Очерки истории образования и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х - 1930-е годы). М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 809—848.

¹⁹ Valkova O. The Conquest of Science: Women and Science in Russia (1860–1940) // OSIRIS. 2008. №. 23. P. 136–165.

²⁰ Долгова Е.А., Стрельцова Е.А. «Добро пожаловать в клуб»: положение женщин в советской науке 1920-х годов // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 97-107.

Исследовательницы оценивали участие женщин в науке в этот период как весьма скромное, несмотря на все предпринимаемые меры для обеспечения декларируемого властью равенства полов, в качестве основных причин этого положения женщин в академической среде называются как внешние препятствия (зависимость от «предыдущего развития» и дискриминативные практики со стороны мужчин-ученых), так и внутренние (в частности, отсутствие серьезной мотивации).

Первым эпизодом освещения вклада женщин в *исторические исследования* в России стал неопубликованный доклад медиевиста О.А.Добиаш-Рожественской на Творческой конференции женщин-ученых Ленинграда 5–7 марта 1937 г. на тему «За двадцать лет: обзор исторической работы ученых женщин». В докладе исследовательница впервые проанализировала научный вклад женщин-историков (многие имена известных сегодня научных работниц в нем пропущены, в качестве первых назывались А.Я.Ефименко, Е.Н.Щепкина). В соответствии с требованиями эпохи, отдельно в докладе упоминались женщины, которые были «не аналитиками истории, но ее творцами»²¹, т.е. революционерки. Следующая попытка выявить забытые имена первых российских женщин-историков была сделана спустя более, чем через 70 лет Н.Л.Пушкаревой²². Она впервые представила краткий список тех женщин-историков, что оказались незаслуженно забытыми, проанализировала особенности их профессионального развития и сделала попытку классифицировать их в соответствии с уровнем образования и карьерными достижениями²³. В целом, можно говорить о том, что эта проблема в отечественной исторической науке практически не разрабатывалась.

Зарубежные исследователи начали обращаться к теме вхождения женщин в исторические науки начиная с конца 1960-х гг. – параллельно с гендерным поворотом в гуманитарных исследованиях в целом. Существует ряд зарубежных исследований о женщинах-историках прошлого. Так, основные особенности взаимодействия женщин-историков и академического сообщества в контексте создания «национальных историй» рассмотрела в своей монографии Мэри О’Дауд²⁴. Комплексные исследования творческого пути женщин-историков существуют по немецким (1920-1970)²⁵, французским (XIX века)²⁶ и ирландским исследовательницам²⁷; как и в отечественной науке, распространены биографические исследования по отдельным значимым персоналиям²⁸. Изучение женщин-историков прошлого за рубежом сегодня зачастую является элементом общественных кампаний (например, привлечения женщин в экономическую историю²⁹, чествования

²¹ Добиаш-Рожественская О.А. За 20 лет // ОР РНБ. Ф. 254. Д. 236. Л.1-24. Л.3.

²² Пушкарева Н.Л. Женщины-историки в России 1810-1917 гг // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2012. №1 (18). С. 228-245.

²³ Пушкарева Н.Л. «Огонь чужих мыслей и звуки других голосов»: женщины-историки в России 1900-1940 // Российские женщины-ученые: наследие. М.: Янус-К, 2017. С.120-134.

²⁴ O'Dowd M. 'Popular writers: women historians, the academic community and national history writing' // Setting the Standards: Institutions, Networks and Communities of National Historiography Comparative Approaches. Basingstoke, 2012.

²⁵ Berger H. Deutsche Historikerinnen 1920-1970: Geschichte zwischen Wissenschaft und Politik. Geschichte und Geschlechter. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2007.

²⁶ Burguière A., Vincent B. Un siècle d'historiennes. Paris, Des femmes-Antoinette Fouque, 2014.

²⁷ Smith N.C. A "Manly Study"? Irish Women Historians, 1868-1949. New York: Palgrave Macmillan, 2006.

²⁸ Например, Berg M. A Woman in History: Eileen Power, 1889-1940. Cambridge: Cambridge University Press, 1996; Thirsk J. The history women // Chattel, Servant or Citizen: Women's Status in Church, State and Society. Belfast: Queen's University of Belfast, 1995. P.1-11.

²⁹ Paul H. Editorial: Women in economic and social history: Twenty-fifth anniversary of the Women's Committee of the Economic History Society // The Economic History Review (2014), part of Economic History Review special virtual issue. URL: [http://onlinelibrary.wiley.com/journal/10.1111/\(ISSN\)1468-0289/homepage/women_s_committee__a_virtual_issue.htm](http://onlinelibrary.wiley.com/journal/10.1111/(ISSN)1468-0289/homepage/women_s_committee__a_virtual_issue.htm) (дата обращения: 15.07.2021).

Лондонских женщин-историков³⁰, защиты своих прав французскими женщинами-историками³¹ и т.п.).

В 1960-е гг. в СССР стали появляться первые беллетризованные биографии первых русских женщин-ученых³² (историков среди них не было). Многочисленные биографические статьи, посвященные российским женщинам-историкам (нередко в форме юбилейного поздравления или некролога) дают представление об их профессиональном значении в развитии исторической науки, а также о некоторых фактических подробностях их повседневной работы и жизни. Эта историографическая традиция, зародившаяся еще в дореволюционной научной прессе, продолжается и в наши дни. В целом, индивидуальные и коллективные биографии женщин-историков чаще сосредоточены именно на их научных достижениях, но в большинстве случаев описание жизненного пути ученых содержит важные подробности, раскрывающие социальные и бытовые условия, в которых создавались научные исследования.

Тем не менее, историография по проблемам *женской академической повседневности* на сегодняшний день остается весьма скромной. Западные исследования участия женщин в науке во многом опираются на изучение разнообразных форм дискриминации женщин-ученых³³. Отечественные исследования участия женщин в академическом сообществе в меньшей степени акцентируют свое внимание на дискриминационных практиках. Так, исследователь О.Б.Вахромеева подробно изучила Санкт-Петербургские высшие женские курсы (их структуру, систему преподавания, биографии курсисток и пространство их повседневной жизни)³⁴. Женщины-историки как представительницы значимых научных школ упоминались в работах Л.А.Сидоровой³⁵, А.В.Свешникова³⁶, Е.В.Ростовцева³⁷, Н.В.Кефнер³⁸. Специфичность участия женщин в московской и Санкт-Петербургской научных школах не была предметом специального исследования в этих работах, тем не менее, подробный анализ взаимоотношений внутри коллектива исторических школ не оставлял без внимания процесс адаптации женщин-исследовательниц в академических сообществах, формирования их социальных связей с научными руководителями и коллегами. Много работ по женской академической повседневности принадлежат Н.Л.Пушкаревой: среди прочего она изучала дискриминационные практики по отношению к женщинам в научном сообществе³⁹,

³⁰ Harris A., Carter L. London's women historians: a celebration and a conversation. URL: <https://www.history.ac.uk/exhibitions/womenhistorians/> (дата обращения: 17.07.2021).

³¹ L'appel de 440 historiennes françaises : « Mettons fin à la domination masculine en histoire » // LE MONDE. 03.10.2018. URL: https://f.hypotheses.org/wp-content/blogs.dir/1337/files/2018/10/L%E2%80%99appel-de-440c2a0historiennes-fran%C3%A7aisesc2a0_-%C2%ABc2a0Mettions-fin-%C3%A0-la-domination-masculine-en-histoiec2a0%C2%BB.pdf (дата обращения: 15.07.2021).

³² Дионесов С.М. В.А. Кашеварова-Руднева - первая русская женщина - доктор медицины. [1844-1899]. М.: Наука, 1965; Лозинская Л.Я. Во главе двух академий : [О Е.Р. Дашковой]. М.: Наука, 1978.

³³ Cole J.R. Fair Science: Women in the Scientific Community, New York: The Free Press. 1979.

³⁴ Вахромеева О.Б. Преподавание наук на Высших женских (Бестужевских) курсах (1878-1918). М.: Политическая энциклопедия, 2018.

³⁵ Сидорова Л.А. Повседневная жизнь московских историков // Журнал "Русская история". №4 2011. История и власть. URL: <http://rus-istoria.ru/library/text/item/561-povsednevnyaya-zhizn-moskovskih-istorikov>

³⁶ Свешников А.В. Исторический семинарий как место знания // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012. С. 138 – 160 (в соавторстве с А.В. Антощенко).

³⁷ Дворниченко А.Ю., Ростовцев Е.А., Баринов Д.А. Опыт коллективного портрета историков столичного университета Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 1. С. 24–52.

³⁸ Кефнер Н.В. Научная повседневность послевоенного поколения советских историков: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Омск, 2006.

³⁹ Пушкарева Н.Л. "Академики в чепце"? История дискриминационных практик в отношении российских женщин-ученых // Женщина Плюс. 2004. Т. 1. С. 39–43; Пушкарева Н.Л. "Умные, но бедные" (Фольклор о женщинах-ученых как скрытая форма гендерной дискриминации // Гендерная дискриминация: практики

примеры гендерной асимметрии в среде научных работников⁴⁰, особенности репрезентации карьерного опыта в автобиографиях исследовательниц⁴¹, особенности повседневного быта женщин-ученых в социальной памяти⁴². Хотя зачастую в фокусе внимания Н.Л.Пушкаревой оказывается академическая повседневность женщин советской и постсоветской эпохи, предложенный ей богатый методический инструментарий может быть использован и для изучения дореволюционной повседневности женщин-ученых, которая ранее не была предметом специальных исследований.

В целом, анализ историографии демонстрирует, что несмотря на большое количество комплексных исследований по истории академической повседневности и отдельных биографических работ, рассматривающих творческий путь научных работниц, история повседневности женщин-историков второй половины XIX - первой половины XX века не получила глубокого и полного освещения как в нашей стране, так и за рубежом. Отсутствие комплексного специального исследования различных сторон истории профессиональной и внеакадемической повседневности российских и советских женщин-историков определяет постановку целей и задач данного диссертационного исследования.

Цель диссертации – исследование динамики изменений стратегий самореализации женщин-историков в Российской империи и в СССР второй половины XIX - первой половины XX века, определение влияния их частной и публичной повседневности на формирование женских профессиональных и жизненных стратегий.

Для достижения поставленной цели диссертации необходимо решить следующие **исследовательские задачи**:

1. Проанализировать трансформацию нормативно-правовой базы, детерминировавшей статус профессионального сообщества преподавательниц высшей школы и исследовательниц в 1860-1941 гг.
2. Охарактеризовать влияние бытового фактора на специфику жизненных и карьерных траекторий представительниц трех поколений женщин-историков.
3. Выявить механизмы адаптации первых женщин-историков к формальным и неформальным нормам академического сообщества, а также дискриминационные практики, бытовавшие в академическом сообществе и мешавшие женщинам-историкам добиваться высоких результатов в их научной деятельности.
4. Исследовать принципы взаимодействия женщин-историков с коллегами в русле традиций академического наставничества.
5. Рассмотреть примеры гендерных конфликтов, типичных для профессиональных сообществ исследователей прошлого.
6. Определить и описать паттерны экономического поведения российских и советских женщин-историков второй половины XIX – первой половины XX вв.
7. Отрастить особенности структуры свободного нерабочего времени российских и советских женщин-историков, проследить изменения способов проведения

преодоления в контексте межсекторного взаимодействия: сборник научных статей. Иваново: ФГБОУ ВПО "Ивановский государственный университет", 2009. С. 232-263.

⁴⁰ Пушкарева Н.Л. "Нелегко говорить об этом": женщины-ученые о влиянии научных занятий на их личную и семейную жизнь // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2014. № 3. С. 105-119; Пушкарева Н.Л. "Новые ниши": российская наука на рубеже тысячелетий и ее женские кадры // Россия и мир: вчера, сегодня, завтра: отечеств. и зарубеж. опыт эконом. деятельности. М.: Московский гуманитарный институт им. Е.Р. Дашковой, 2006. С. 5-23.

⁴¹ Пушкарева Н.Л. Общая линия жизни и репрезентация успешности в автобиографиях и автобиографических интервью женщин-ученых // Tractus Aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. 2014. Т. 1. № 1. С. 15-27.

⁴² Пушкарева Н.Л. Социальная память о быте и повседневности женщины-ученой в "дооттепленном" советском кинематографе (1945-1955 гг.) // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2020. Т. 6. № 2(22). С. 143-149; Пушкарева Н.Л. Антропология повседневности в социальной памяти советских женщин-ученых (на примере Новосибирска, 1950-е - начало 1990-х гг.) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. 2020. № 10. С. 220-223.

досуга и распределения бюджета времени между работой, домашними обязанностями и отдыхом.

Источниковая база исследования представляет собой совокупность исторических источников различных видов. Учитывая сложность исторической реконструкции бытовых сторон профессиональной и домашней повседневности женщин-ученых, необходимо было исследовать не только опубликованные, но и архивные источники. В ходе исследования было проработано 15 личных фондов и фондов организаций в архивах Москвы и Санкт-Петербурга: Санкт-Петербургских высших женских курсов (ЦГИА. Ф. 113), Московских высших женских курсов (ЦГА г. Москвы. Ф. 363), Ленинградского государственного университета (ЦГА СПб. Ф. 7240), Президиума АН СССР (АРАН. Ф. 2), Управления делами АН СССР (АРАН. Ф. 4), Президиума объединенного месткома Комакадемии (АРАН. Ф. 350); Е.Н.Щепкиной (РГАЛИ. Ф. 569), И.И.Любименко (СПБФ АРАН. Ф. 885), О.А.Добиаш-Рожественской (ОР РНБ. Ф. 254), Н.Д.Флиттнер (НАРДФ ГЭ. Ф. 63), Е.Н.Ошаниной (ЦГА Москвы. Ф.Л-125), М.В.Нечкиной (АРАН. Ф. 1820), А.М.Панкратовой (АРАН. Ф. 697), М.М.Денисовой (ОР ГИМ. Ф. 491), Видоной Е.С. (ОР ГИМ. Ф. 500).

Важным видом источников являются *нормативно-правовые акты* Российской Империи, Временного правительства, РСФСР и СССР, действующие во второй половине XIX - первой половине XX века, регулирующие порядок получения женщинами высшего образования, их профессиональную деятельность в сфере высшей школы, историческое образование в целом. Этот вид источников дает представление о том, как трансформировалась правовая реальность, с которой приходилось считаться женщинам-историкам в своей профессиональной деятельности и повседневной жизни.

Обширный комплекс *делопроизводственных источников*, относящихся к делопроизводству в образовательных и научных учреждениях, открывает перед нами огромный пласт фактической информации об особенностях работы женщин-историков на местах (списки личного состава, личные дела, зарплатные ведомости, приказы о приеме на работу/ переводе/ увольнении, протоколы заседаний кафедр/ отделов и т.п.). В ходе исследования были использованы делопроизводственные материалы Санкт-Петербургских высших женских курсов, Московских высших женских курсов, Ленинградского государственного университета, Президиума АН СССР, Управления делами АН СССР, Президиума объединенного месткома Комакадемии. Значимыми для исследования являются опубликованные материалы «академического дела» 1929-1931⁴³ и база данных «Жертвы политического террора в СССР»⁴⁴ - благодаря этим источникам становится возможным выявить имена репрессированных женщин-историков. Личные фонды женщин-историков также содержат большое количество делопроизводственных документов, иллюстрирующих их карьерные стратегии и иногда включающие в себя описания элементов их профессиональной повседневности (например, отчеты о заграничных командировках⁴⁵).

Источники личного происхождения (мемуарная литература, переписка, рабочие и личные дневниковые записи, стихотворения, записи доходов и расходов и т.п.) – разноплановый и обширный комплекс источников, который позволяет максимально подробно рассмотреть явления повседневной жизни в рабочем и домашнем пространстве женщин-историков. При работе с этими источниками должны учитываться особенности эго-документов второй половины XIX – первой половины XX века (определенные

⁴³ Академическое дело 1929–1931 гг.: документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб.: БАН, 2015. Вып. 9. Ч. 1–3: Обвинение. Приговор. Реабилитация.

⁴⁴ БД «Жертвы политического террора» <https://base.memo.ru/> (дата обращения: 2.07.2021).

⁴⁵ Например, Добиаш-Рожественская О.А. Отчет о командировке в Париж в 1908-1909 // ОР РНБ (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки). Ф. 254. Д. 18; Добиаш-Рожественская О.А. Отчет о научной командировке в Берлин, июль-август 1929 // ОР РНБ. Ф. 254. Д. 55. Л. 1; Добиаш-Рожественская О.А. Сообщение о заграничной поездке в Берлин и Париж в 1926 году // ОР РНБ. Ф. 254. Д. 50. Л. 5.

типичные для эпохи литературные нормы и идеологические конструкты в мемуарной литературе, ограниченная откровенность в личной и деловой переписке и, вместе с этим, готовность к тому, что автодокументальные тексты, рано или поздно, станут достоянием общественности).

Корпус эго-документов (в первую очередь, воспоминаний и дневников) русских женщин-историков второй половины XIX – первой половины XX вв. настолько же обширен, насколько слабо изучен. На сегодняшний день полностью изданы мемуары Н.А.Белозерской, П.С.Уваровой, Е.В.Гутновой, С.В.Житомирской, К.А.Антоновой, Н.И.Гаген-Торн, И.Ф.Петровской, М.М.Левис, Т.А.Богданович, В.Н.Харузиной, М.Е.Сергеенко, Балобановой Е.В., дневники М.В.Нечкиной, Э.Б.Генкиной, С.Д.Рудневой, Н.С.Штакельберг⁴⁶. Существуют опубликованные записи устных рассказов А.О.Ишимовой⁴⁷. При этом до сих пор не опубликованы, но представляют несомненный исследовательский интерес дневники И.И.Любименко⁴⁸, Е.Н.Ошаниной⁴⁹, К.В.Тревер⁵⁰ (работа над научной публикацией последних ведется в данный момент). Неизданными остаются также богатые фактическим материалом мемуары Е.Н.Щепкиной⁵¹, Н.Д.Флиттнер⁵².

Автодокументальные женские тексты XIX – начала XX в. сами по себе неоднократно становились предметом исследования: от источника, призванного «иллюстрировать» исторические и социальные процессы, с изменением исследовательской оптики, эго-документы превратились в самоценный исторический источник, важный, в первую очередь, своей уникальностью в контексте изучения саморепрезентации женщин прошлого⁵³. Гендерный контекст исследования

⁴⁶ Белозерская Н.А. Автобиография // Исторический вестник. Июнь 1913 г. Т.132. С.925-937; Белозерская Н.А. Воспоминания о Н.И.Костомарове // Русская старина. Томъ XLX-L. 1886. Выпуски 1-4; Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. Воспоминания Прасковьи Сергеевны Уваровой. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2005; Гутнова Е.В. Пережитое. М.: РОССПЭН, 2001; Житомирская С.В. Просто жизнь. М.: РОССПЭН, 2006; «В России надо жить долго...»: памяти К. А. Антоновой (1910—2007). М.: Восточная литература, 2010; Гаген-Торн Н.И. Мемория. М.: Моск. ист.-лит. о-во "Возвращение", 1994; Петровская И.Ф. В конце пути. СПб.: [б. и.], 1999; Левис М.М. "Мы жили в эпоху необычайную...". М.: [б. и.]; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016; Богданович Т.А. Повесть моей жизни. Воспоминания, 1880-1909. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2007; Харузина В.Н. Прошлое: Воспоминания детских и отроческих лет. М.: Новое литературное обозрение, 1999; Сергеенко М.Е. Воспоминания // Составитель Трофимов А.А. Три судьбы. М.: Издательство «Апостол веры», 2021. С. 108-141; Е.В. Балобанова. Записки слушательницы С.-Петербургских высших женских курсов I выпуска (1882 г.) // Петербургский исторический журнал. 2015. №4 (8). С. 227 – 248; «...И мучилась и работала невероятно»: дневники М. В. Нечкиной. М.: Российский гос. ун-т, 2013; Генкина Э.Б. Воспоминания об ИКП // История и историки. Историографический ежегодник. 1981. М., 1985. С. 257-273; Руднева С.Д. Воспоминания счастливого человека. Стефанида Дмитриевна Руднева и студия музыкального движения «Гептахор» в документах Центрального московского архива-музея личных собраний. М.: Изд-во Главархива Москвы, 2007; Штакельберг Н.С. «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф.Ф.Перченка. М.: СПб.: Феникс; Atheneum. 1995. С.19-85.

⁴⁷ Быков П.В. Русские женщины-писательницы. А.И.Ишимова // Древняя и новая Россия. 1878. Т.2. №8. С.316-321.

⁴⁸ Любименко И.И. Личные дневники // СПбФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 214.

⁴⁹ Ошанина Е.Н. Личные дневники // ЦГА Москвы (Центральный государственный архив г. Москвы). Ф.Л-125. Оп.1. Д. 20 - 29.

⁵⁰ СПбФ АРАН. Ф.1090.

⁵¹ Щепкина Е.Н. Бестужевские курсы // РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства). Ф. 569. Оп. 1. Д. 131. Л. 58; Щепкина Е.Н. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 3; Щепкина Е.Н. Петербургские курсы и заграница // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1; Щепкина Е.Н. Санитарный поезд в турецкую войну // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 11; Щепкина Е.Н. Шестидесятые годы // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 15.

⁵² Флиттнер Н.Д. Воспоминания // НАРДФ ГЭ (Научный архив рукописей и документального фонда Государственного Эрмитажа). Ф. 63. Оп. 1. Д. 2, 4, 6.

⁵³ Белова А.В. Женские автодокументы как источники по истории женской провинциальной повседневности и социальной памяти // Российская провинция сквозь призму сословно-правовых, этноконфессиональных, социокультурных, медико-социальных и демографических коллизий в XVIII-XXI вв.: Сборник статей

автодокументальной прозы предполагает анализ самих нарративов женщин-историков как формы рефлексии о собственной научной и личной судьбе, творческих и коммуникативных сложностях и победах. Субъективное восприятие происходящих с ними событий, доступное нам в формате нарративов об учебе, семейной жизни, карьере в большинстве мемуаров и дневников служило конструированию идентичности автора не столько как успешной жены и матери, сколько как профессионала. Особенности саморепрезентации в женских мемуарах подводят к мысли, что почти все они демонстрируют желание авторов моделировать собственную идентичность как историка, превращая тексты о своем прошлом в аналог исторического труда. Еще не подозревая о существовании антропологического метода «плотного» или «насыщенного» описания⁵⁴, русские женщины-историки в мемуарах сами стремились встать на место «изучаемого объекта», быть не только кропотливыми исследователями, но и создателями исторического источника, подробного и полезного для будущих исследователей. Желание написать мемуары женщины-историки объясняли так: «оставить черты старого быта, из которого вырос»⁵⁵, «терпеливо и тщательно собрать, правдиво, хотя бы и субъективно правдиво отразить все, что вспоминаю я о своем детстве и юности, о том, что меня окружало, что меня растило, чего уже нет, что безвозвратно умерло»⁵⁶, ««...не столько хочется воссоздать мою прошедшую жизнь саму по себе, сколько тот неповторимый мир с его бурями и штилями, ненавистью и любовью, героизмом и подлостью»⁵⁷. Общую мысль женщин-историков выразила историк и этнограф В.Н.Харузина: «Интересна не я, но эпоха»⁵⁸. В целом, подобная позиция соответствует женской автодокументальной традиции в русском обществе конца XIX – первой половины XX вв.: женские тексты стремились представать перед читателем не в виде исповеди, а, скорее, в форме «свидетельского показания» о прошедших событиях⁵⁹. Зачастую работа над воспоминаниями о детстве превращалась в форму психологического эскапизма – попытку забыть о тяжелой реальности и сосредоточиться на счастливом прошлом.

Обращение к истории повседневности при анализе автодокументальных источников, принадлежащих этим исследовательницам, предполагает выявление некой общей поведенческой типики женщин-историков, общих особенностей структурирования рабочего и вне рабочего времени, практик работы и отдыха. Эго-документы, принадлежащие коллегам, друзьям, близким родственникам женщин-историков дополняют нарративы исследовательниц, позволяют сопоставить женские и мужские свидетельства о процессе вхождения женщин в академическую корпорацию историков, демонстрируют трансформацию мужского взгляда на статус женщин в науке, позволяют полнее охарактеризовать различные стороны академической повседневности.

Литературные (проза и поэзия, а также переводы) научные, учебно-методические тексты, принадлежащие перу женщин-историков, позволяют выявить научные интересы исследовательниц, рассмотреть их публикационную активность в сравнении с

участников Международной научной конференции. Тамбов: ООО «Принт-Сервис», 2019. С. 44-49; Гончарова О.М. Русская женщина 1860-х в «зеркале» идей и литературы // Культура и текст. 2012. № 1. С. 44–53; Георгиева Н.Г. Мемуары как феномен культуры и исторический источник // Вестник РУДН. История России. 2012. №1. С. 126-138; Савкина И.Л. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2007; Fitzpatrick Sh. *Lives and Times. In the Shadow of Revolution: Lifestories of Russian Women from 1917 to the Second World War*. Princeton University Press, 2000. P.3-4.

⁵⁴ Geertz C. Thick descriptions toward an interpretive theory of culture // Geertz C. *The interpretation of culture*. N.Y.t Bane book, 1973. Ch. 1. P. 3–30.

⁵⁵ Щепкина Е.Н. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 3.Л. 1.

⁵⁶ Флиттнер Н.Д. Воспоминания // НАРДФ ГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

⁵⁷ Гутнова Е.В. *Пережитое*. М.: РОССПЭН, 2001. С.5-6.

⁵⁸ Харузина В.Н. *Прошлое: Воспоминания детских и отроческих лет*. М.: Новое литературное обозрение, 1999. С. 18.

⁵⁹ Fitzpatrick Sh. *Lives and Times. In the Shadow of Revolution: Lifestories of Russian Women from 1917 to the Second World War...* P.3-4.

мужчинами-историками, а также оценить степень вовлеченности их в научную, издательскую и литературную деятельность эпохи (в частности, увидеть случаи, когда женский научный труд оставался без внимания публики или, напротив, становился популярным).

Источниками по проблеме исследования также являются *публицистические произведения и статьи в периодической печати*, в том числе отзывы о диссертациях, статьи о диспутах женщин-историков, посвященные им некрологи и поздравления от коллег и знакомых. Значимым для темы исследования являются тексты выступлений женщин-историков на конференциях. Все эти источники помогают раскрыть важные стороны профессиональной повседневности женщин-историков, увидеть восприятие в общественной мысли их публичного статуса и внешнюю оценку их профессиональных достижений.

Все перечисленные виды источников отвечают основным задачам исследования женской академической повседневности второй половины XIX – первой половины XX вв., но наибольшее значение для диссертационного исследования имеют исторические источники личного происхождения и литературные произведения, т.к. именно в них содержится информация о трансформации публичного статуса женщины-исследователя, подробностях карьерных траекторий и стратегиях самореализации, примеры взаимодействия женщин-историков с лидерами научного сообщества и иные разнообразные практики повседневной жизни исследовательниц. Используя автодокументальные тексты, становится возможным генерализировать немногочисленные разрозненные факты изменений повседневных структур работы и отдыха женщин-историков.

Методология и методы исследования.

Исследование основано на следующих методологических подходах: историко-антропологическом, гендерном, новой биографической истории, генерационном, истории повседневности.

Исследование построено на принципе историзма, что подразумевает рассмотрение социально-культурных явлений в динамике их изменений, предполагающем анализ объектов исследования с точки зрения общего, повторяющегося в них, и индивидуально-неповторимого в их единстве⁶⁰. Исследование проводилось в рамках *историко-антропологического подхода*, что позволило рассмотреть социальные практики повседневной жизни женщин-историков с позиций внимания к каждой конкретной личности, ее духовному миру и внутренним переживаниям повседневного опыта. Значимой для исследования также является *гендерная методология*, в основе которой лежит анализ фактора пола, влияющего на стратегии самореализации женщин-историков, систему иерархии в академической корпорации и механизмы адаптации женщин в традиционно мужском сообществе. *Новая биографическая (или персональная) история* предполагает ориентацию на важность реконструкции личной жизни и судеб отдельных женщин-историков для понимания их эмоционально-духовной жизни, с особым вниманием к автодокументальным текстам, принадлежащим самим исследовательницам прошлого. Использование *генерационного подхода* дает возможность рассматривать стратегии самореализации женщин-историков в зависимости от социально-исторических условий, в которых активно работало то или иное поколение историков, и от существовавших среди ученых этого поколения социальных связей. *Подход истории повседневности* предполагает поиск изменчивых и повторяющихся структур в области привычных и рутинных повседневных практик женщин-историков, что, в свою очередь, дает возможность увидеть процесс трансформации стратегий поведения исследовательниц.

⁶⁰ Смоленский Н.И. Теория и методология истории. М.: Академия, 2012. С. 151.

Кроме общенаучных методов исследования в диссертации были использованы историко-генетический, историко-типологический и историко-системный, просопографический методы, методы сетевого анализа и качественной интерпретации. С помощью *историко-генетического метода* удалось проследить факторы, влиявшие на профессиональную и личную повседневность представительниц исторической науки. *Историко-типологический метод* позволяет выявить характерные особенности повседневной жизни представительниц конкретной профессиональной группы. Применение *историко-системного метода* помогло рассмотреть повседневность женщин-историков как важный элемент процесса трансформации положения женщин в науке. В исследовании также используется *просопографический метод* как сочетание анализа тех или иных общих и особенных биографических явлений для составления «коллективной биографии» и детального внимания к внутреннему миру представительниц исследуемой группы, проявляющемуся в эго-документах. *Метод сетевого анализа* позволяет через выявление межличностных контактов женщин-историков рассмотреть механизмы, с помощью которых они налаживали связи в научной корпорации. *Интерпретативный метод* в анализе письменных автодокументальных источников дает возможность через личное эмпатическое переживание исследователя увидеть в нарративах прошлого субъективное осмысление событий, эмоциональное отношение к ним автора текста и различные способы «проговаривания себя» в условиях внешних обстоятельств.

Для более глубоко понимания методологических основ исследования необходимо привести ряд определений, использующихся в работе. Под *женщинами-историками* понимается группа исследовательниц, обладающая следующими общими характеристиками: высшее историческое образование (в 1920-начале 1930-х возможным вариантом было образование на факультетах общественных наук) и профессиональная деятельность в области истории (преподавание, исследовательская работа, экскурсионная деятельность и работа в фондах музеев и т.п.). Из множества трактовок понятия в данном исследовании выбирается определение *повседневности* как «реальности, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного жизненного мира»⁶¹. Под *структурой повседневности* понимается теоретическая модель повседневной жизни, характеризующаяся повторяемостью, предсказуемостью, узнаваемостью для какой-либо социальной группы⁶². В качестве основных «фреймов» структуры повседневности в данном исследовании предполагается использовать следующие предложенные Н.Л.Пушкаревой *категории повседневности*: «1. событийную область публичной повседневной жизни, прежде всего, мелкие частные события, пути приспособления людей к событиям внешнего мира; 2. обстоятельства частной, личной домашней жизни, быт в самом широком смысле; 3. эмоциональную сторону событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей»⁶³.

Научная новизна диссертации. В отечественной историографии попыток специально изучить стратегии самореализации первых российских и советских женщин-историков, проанализировать практики их профессиональной и внерабочей повседневности, механизмы вхождения в академическую корпорацию не предпринималось. Достаточная обеспеченность автодокументальными источниками, возможность анализа принадлежавших женщинам литературных и научных работ, масса нормативно-правовых актов и делопроизводственных документов, регулировавших отношения преподавательниц и администрации, наличие публицистических

⁶¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Моск. филос. фонд, 1995. С.312.

⁶² Полякова И.П. Современные концепции повседневности, анализ сущности и структура повседневного бытия людей // Вестник Томского государственного университета. 2017. №37. С.86-89.

⁶³ Пушкарева Н.Л. «История повседневности» как направление исторических исследований. URL:<http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280> (дата обращения: 15.07.2021).

произведений, в которых говорилось о статусе первых женщин-ученых, дают возможность восполнить образовавшийся пробел и использовать генерационный подход к изучению научного вклада и условий самореализации женщин-историков второй половины XIX – первой половины XX вв., выяснить влияние социальных условий на устоявшиеся практики их повседневной жизни.

Научная и практическая значимость. Ряд автодокументальных источников, созданных российскими и советскими женщинами-историками, впервые вводится в научный оборот, что имеет важное значение для изучения истории отечественной исторической науки. Результаты исследования могут быть использованы в преподавании таких дисциплин на гуманитарных специальностях высшего образования, как этнология и социальная антропология, гендерная антропология, история исторической науки, история России второй половины XIX – первой половины XX вв., источниковедение, история повседневности, историография. Отдельные положения исследования могут быть использованы в обобщающих работах, касающихся истории участия женщин в науке.

Положения, выносимые на защиту.

1. Для большинства представительниц первого поколения российских женщин-историков (1860-1880-е гг.) занятия наукой были формой общественной активности в рамках движения за женскую эмансипацию.

2. Система подготовки научных кадров, сложившаяся на Бестужевских Высших женских курсах в 1890-х – 1917 гг., отвечала задачам максимально быстрой и легкой адаптации женщин в исторической науке, несмотря на законодательство, ограничивающее их трудоустройство в этой области.

3. Советская система образования и организации науки декларировала равенство полов, однако, вхождение женщин в академическую корпорацию шло очень медленно, с трудом, и диспропорции были лишь отчасти ликвидированы к середине 1930-х годов, причём численность женщин на высоких научных должностях оставалась крайне низкой.

4. Первым российским женщинам-историкам изначально было сложнее добиться успехов в науке, т.к. они обладали меньшим запасом доверия в академической среде и были в большей степени подвержены дискриминационным практикам.

5. Система академического наставничества, сложившаяся в дореволюционный период, была наиболее важным механизмом адаптации женщин в корпорации историков: благодаря научным руководителям они осваивали методику исследовательской работы, преодолевали многочисленные карьерные трудности, получали оплачиваемые стажировки за границей.

6. Во второй половине XIX – начале XX века занятия наукой мешали успешному выполнению женщинами-историками традиционного гендерного сценария. Социальная нестабильность и необходимость совмещать научную работу со «второй сменой» (работой по дому) продолжала негативно влиять на профессиональный рост и развитие многих женщин-ученых довоенной эпохи.

7. Свободное время первых женщин-историков было почти неотделимо от процесса повышения уровня их образования и профессиональной деятельности, досуговые практики служили для адаптации к академической карьере.

Апробация результатов исследования.

Основные выводы и результаты исследования апробированы в 13 печатных статьях (из них 5 в журналах, индексируемых в международных реферативных базах Scopus и Web of Science), в том числе, 7 статей в изданиях, рекомендованных Всероссийской аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования РФ.

Также основные положения диссертации прошли апробацию в виде докладов на 10 научных конференциях, в том числе звучали на 2 Конгрессах антропологов и этнологов России и на 3 конференциях, проводимых Центром гендерных исследований ИЭА РАН и Российской ассоциацией исследователей женской истории (РАИЖИ).

Структура диссертационного исследования обусловлена его целью и задачами, включает в себя введение, три главы, разделенные на параграфы, заключение, список источников и литературы. Общий объем работы – 250 стр., в том числе Библиографический список использованных в работе 191 российских и 40 зарубежных изданий (на 210-250 стр.).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы исследования, раскрыта степень разработанности проблемы, определены объект и предмет, цель и задачи исследования, хронологические и географические рамки, представлена методология и методы исследования, проанализирована источниковая база, определены научная новизна и научно-практическая значимость работы, сформулированы основные положения, выносимые на защиту, а также приведены сведения об апробации и структуре исследования.

Первая глава ***«Нормативно-правовое регулирование научного труда и профессиональная самореализация первых трех поколений женщин-историков»*** рассматривает поэтапный процесс вхождения русских женщин-историков в традиционно мужскую академическую корпорацию историков во второй половине XIX – первой половине XX вв. через трансформацию нормативно-правовых актов, регулировавших труд женщин в науке, типичные способы трудоустройства в качестве преподавательниц и исследовательниц, влияние политических событий на профессиональное становление женщин-историков.

В первом параграфе ***«Первые русские женщины-историки: публикационная активность и творческий процесс»*** изучаются особенности нормативно-правового регулирования женского исследовательского труда в эпоху Великих реформ, выявляются основные сложности профессиональной самореализации первых женщин-историков Российской империи. В результате было выяснено, что представительницы первого поколения женщин-историков до 1880-х гг., согласно законодательству, были исключены из академической корпорации и только за счет личных знакомств с историками имели возможность научиться методике исследовательской работы и опубликовать свои исследования, впрочем, к домашнему исследовательскому труду никаких препятствий они не имели. Нашедшие свое призвание в атмосфере 1860-х гг. – первого периода женской эмансипации в России – главную свою задачу они видели в реализации права женщин на высшее образование, а занятия наукой воспринимали, как способ добиться равных прав с мужчинами. Проводниками в мир науки для них стали известные историки эпохи – Н.И.Костомаров, К.Д.Кавелин, К.Н.Бестужев-Рюмин. Либерально настроенные профессора не видели различий между своими учениками обоих полов, но и единой системы работы с ученицами еще не изобрели. Женщины-историки первого поколения остро чувствовали недостаток образования, который компенсировали упорством и поиском новых возможностей для обучения.

Второй параграф ***«Женщины на кафедре»: профессиональная активность второго поколения русских женщин-историков»*** посвящен изменениям в законодательстве о трудоустройстве женщин-историков в Российской империи и изучению опыта первых женщин, попробовавших себя в преподавательской работе в высших учебных заведениях дореволюционной России. Благодаря созданию Высших женских курсов в Москве и Санкт-Петербурге, женщины второго поколения не только получили возможность получать профессиональное образование, но и начали интегрироваться в мужскую научную среду на равноправных основаниях. Начиная с 1890-х гг. историки на Высших женских курсах создали аналог аспирантуры – исследовательницы после обучения могли остаться «при курсах для усовершенствования в изучении» отдельных предметов. Несмотря на распространение этой практики, трудоустройство женщин в качестве

преподавателей курсов продолжало быть крайне ограниченным (немногие женщины-преподавательницы получали место только после получения ученой степени в зарубежном университете). В 1911 году, согласно новому закону, женщины смогли приобретать ученые степени магистра и доктора в Российской империи.

В третьем параграфе *«Профессиональные достижения третьего поколения российских и советских женщин-историков: траектории карьеры»* исследуется влияние политических событий 1917-1930-х гг. на карьерные стратегии женщин-историков и анализируется декларируемое профессиональное равенство мужчин и женщин, его отражения в работе исследовательниц. Хотя первые нормативно-правовые акты в области образования в Советской России уравнивали положение мужчин и женщин, закрытие Высших женских курсов и слияние высших учебных заведений приводили к сокращению штата преподавателей, в результате, первыми рабочие места в вузах теряли именно женщины. За годы Великой российской революции многие женщины-историки эмигрировали, сменили специализацию или окончательно ушли из профессии. Создание Института красной профессуры, Комакадемии и возвращение аспирантуры на исторических факультетах в 1934 гг. постепенно привели к тому, что женщины стали преодолевать гендерную асимметрию в профессии историка.

Вторая глава *«Профессиональная повседневность российских и советских женщин-историков второй половины XIX - первой половины XX века»* характеризует пространство повседневности женщин-историков, организацию творческого исследовательского процесса, взаимодействие с научными руководителями и издателями, практики сочетания научной работы и частной жизни. С использованием автодокументальных источников становится возможным выявить и проинтерпретировать изменения в сфере профессиональной повседневности, которые следовали за трансформацией социального статуса первых женщин-историков.

В первом параграфе *«Эффект Матфея» и «эффект Матильды»: особенности научного статуса первых женщин в отечественной исторической науке»* рассматриваются примеры дискриминационных практик, описанных в автодокументальных источниках женщин-историков, анализируется возможность применения социологических моделей «эффект Матфея» и «эффект Матильды» к описанию статуса женщин в академическом сообществе. В истории вхождения женщин в научный мир отчетливо видится «эффект Матфея» - чем меньшим был статус женщины в науке, тем выше был риск их увольнения, тем большую дополнительную неоплачиваемую нагрузку они получали на местах работы, следовательно, уменьшая время для исследовательских трудов. Эго-документы подтверждают и проявления «эффекта Матильды» в отечественной академической истории: женщины сталкивались с заимствованием коллегами-мужчинами их научных результатов, необходимостью работать «литературными неграми» и плагиатом их работ. Зависимость женщин-историков от научного руководителя также имела и негативную сторону: далеко не все из наставников соблюдали необходимые этические нормы в личных отношениях с ученицами.

Второй параграф *«Практики научной повседневности в эго-документах российских и советских женщин-историков второй половины XIX – первой половины XX вв.»* рассматривает различные стороны профессиональной повседневности женщин-историков: механизмы их адаптации в корпорации ученых через архивные изыскания и дополнительные обязанности в высших учебных заведениях, вестиментарные стратегии как способ саморепрезентации в роли «ученой дамы», способы построения взаимоотношений с коллегами. Главным местом, в котором проходила адаптация первых российских женщин-историков к нормам академического сообщества, были архивы и библиотеки: их привлекали комфортная обстановка для занятий, радость от познания исторических процессов в литературе и документах, возможность найти коллег по интересам. В 1920-е гг. архивы и библиотеки стали убежищем для изгнанных из высших

учебных заведений исследовательниц. Высшие учебные заведения были гораздо менее комфортны: горизонтальные дружеские и рабочие связи практически не развивались, женщины, в основном, общались со своими наставниками, а редкие случаи карьерного роста женщин зачастую вызывали негативную реакцию их коллег. Важным аспектом адаптации к нормам академического сообщества также была репрезентация себя как ученой женщины через выбор одежды. Постепенно выработались следующие вестиментарные стратегии женщин-историков: одни продолжали следовать моде, активно пользоваться косметикой, вторые демонстративно мало следили за собственным внешним видом, третьи стремились подчеркнуть в одежде именно свои занятия историей – использовали старинные фасоны, необычные ткани, давно вышедшие из моды, необычные прически. Лишь начиная с 1930-х гг. формируется единый дресс-код научных работниц, в который изобретательные исследовательницы вносили изменения, стремясь через внешний облик выражать свое отношение к статусу женщины в науке.

Третий параграф *«Академическое наставничество в профессиональной повседневности женщин-историков»* посвящен процессу обучения женщин-историков исследовательской работе и вариантам их взаимоотношений с научными руководителями, первым опытам работы женщин-историков в роли академических наставников. Во второй половине XIX – начале XX вв. женщины-историки, ранее вынужденные самостоятельно учиться основам исследовательской деятельности, получили серьезную поддержку от лидеров академического сообщества. Ключевым институтом, помогавшим женщинам познакомиться с научным руководителем, были Высшие женские курсы, программа которых со временем включила обучение методам исторического исследования. Помощь и поддержка таких ученых, как И.М.Гревс, С.Ф.Платонов, Б.А.Тураев, помогала первым женщинам в академической среде преодолеть многочисленные карьерные трудности, получать оплачиваемые стажировки за границей, и значительно улучшить качество исследовательских работ. Во многом, именно традиционные для отечественной университетской культуры практики наставничества, в которые профессора-историки легко приняли курсисток, позволили сформировать многочисленное поколение успешных женщин-историков в начале XX века. По мере увеличения количества женщин-историков в высших учебных заведениях в довоенную эпоху, они сами получали возможность становиться научными руководителями для своих студентов.

В третьей главе *«Частная жизнь и домашняя повседневность российских и советских женщин-историков второй половины XIX – первой половины XX века»* рассматриваются саморепрезентация женщин-исследовательниц, будущих историков (какими они себя в детстве, по их словам, вспоминали в зрелости), факторы, предопределившие выбор женщинами их профессии, гендерные конфликты (в том числе между профессиональными и семейными социальными ролями), особенности выбора семейных стратегий, паттерны экономического поведения и способы организации досуга. С большим трудом обнаруженные упоминания об обыденных сторонах жизни в автодокументальных текстах женщин-историков позволяют составить мозаичную, но довольно целостную картину их внерабочей, домашней повседневности.

Первый параграф *«Детство в воспоминаниях российских женщин-историков второй половины XIX – первой половины XX вв.»* позволяет проанализировать автодокументальные нарративы о детстве женщин-историков, заметить в них способ саморепрезентации себя как историков через детские увлечения и описания первых гендерных конфликтов между идеальными представлениями о счастливой семейной жизни и профессиональным развитием. Среди типичных сюжетов о детских годах в текстах женщин-историков наиболее интересно описание их ощущений переживания первого гендерного конфликта – осознания в зрелом возрасте того, что желание стать исследователем прямо противоречило гендерным установкам, усвоенным в раннем детстве.

Второй параграф *«Эмоциональная сфера жизни: дружба, семья, личные интимные привязанности»* посвящен изучению, в первую очередь, трансформации семейных стратегий женщин-историков, влиянию изменений формы наиболее типичных гендерных контрактов на их частную и профессиональную повседневность. Для представительниц первых поколений женщин-историков сам выбор профессии создавал пространство для возможного гендерного конфликта: во второй половине XIX века занятия наукой мешали успешному выполнению традиционного гендерного сценария и встречали негативное отношение со стороны близких родственников (особенно матерей). Хотя многим исследовательницам замужество помогло с выбором и освоением профессии, браки с учеными также приводили к сокращению времени на собственные исследования (в приоритете была помощь супругу). Часть женщин-историков выбирали безбрачие как стратегию более удобную для их научных занятий и соответствующую их жизненным приоритетам, что в ракурсе российского женского движения второй половины XIX – начала XX вв. воспринималось современниками как общественно-политический проект. По мере вхождения женщин в российскую академическую корпорацию историков изменялись и их жизненные приоритеты: уже в начале XX века многодетных матерей среди них было меньше, «ученые дамы» стали позже вступать в брак и откладывать рождение детей на более поздний срок. Хотя после Великой российской революции 1917 года государство декларировало равные возможности для мужчин и женщин, гендерный контракт «работающая мать» не решал проблемы самореализации женщин в профессии.

Третий параграф *«Профессиональный доход и паттерны экономического поведения русских женщин-историков второй половины XIX – первой половины XX вв.»* рассматривает основные источники профессионального дохода женщин-историков и основные статьи их расходов, способы преодоления экономических трудностей. Можно выделить следующие особенности экономического поведения женщин-историков XIX – начала XX вв.: представительницы первого поколения зачастую воспринимали занятия наукой как аналог литературной работы или предпринимательской деятельности, главными проблемами для них были необходимость найти возможности для возмездной публикации, для чего необходимо было повышать свою конкурентоспособность – осваивать новые языки, обучаться методам исторических исследований. Представительницы второго поколения русских женщин-историков, вынужденные работать в условиях более жесткой конкуренции, также были вынуждены серьезно вкладываться в свое образование. В конце XIX – начале XX вв. институционализировалось участие женщин в академической среде, поэтому лучшие из них получили возможность работать преподавательницами на Высших женских курсах, что обеспечивало им гораздо больший уровень дохода. Почти у всех исследовательниц с приходом советской власти резко ухудшилось финансовое положение и лишь немногие из них смогли сохранить преподавательскую работу. Лишь в середине 1920-х гг. уже представительницы третьего поколения женщин-историков, относившихся к «красной профессуре» почувствовали на себе улучшение материального положения ученых: тем не менее, социальная нестабильность и необходимость совмещать научную работу со «второй сменой» работы по дому продолжала негативно влиять на профессиональный рост и развитие многих женщин-ученых довоенной эпохи.

В четвертом параграфе *«Свободное нерабочее время первых поколений российских женщин-историков»* анализируется бюджет времени женщин-историков, проблема «второй смены» в структуре их свободного нерабочего времени, разнообразные практики проведения досуга как механизма адаптации к неформальным правилам академического сообщества. Досуг первых женщин-ученых был почти неотделим от процесса повышения уровня их образования, от работы. К самым занятиям исторической наукой изначально они часто относились как к хобби и продолжению увлечения чтением. По мере институционализации женского участия в профессии историка, женщины-историки понимали, что перенимая досуговые практики мужской академической корпорации, они

становятся ближе к мечте стать профессиональным ученым, достигнуть статуса и уважения опытных коллег. Осознавая, что профессия историка в Российской империи подразумевала неформальное общение участников научных школ, они стремились закрепить профессиональные знакомства на неформальных вечерах, усвоить скрытые в рабочее время корпоративные нормы.

В заключении сформулированы основные выводы диссертационного исследования.

Профессиональные и частные стороны повседневной жизни первых поколений российских женщин-историков отражали процессы, происходившие в науке и образовании второй половины XIX – первой половины XX века. Историко-антропологический материал, сведения по этнографии быта представительниц этой социальной группы собирались по крупицам, по нечастым упоминаниям в текстах эго-документов, поэтому в исследовании была сделана попытка генерализировать эти отдельные рассказы, чтобы хотя бы отчасти приблизиться к пониманию того, для чего дворянки или обеспеченные представительницы средних городских слоев вдруг занялись научной работой. Обработав более десяти архивных фондов и несколько десятков опубликованных эго-документов, можно прийти к следующим выводам.

В период с 1860 по 1941 гг. произошли значительные изменения в нормативно-правовом регулировании женского труда в науке и образовании. В 1860 г. женщины впервые получили возможность учиться в университетах, но уже в 1863 г. право женщин обучаться вместе с мужчинами было ограничено. В 1872 г. в Москве были открыты первые Высшие женские курсы, на которых женщины могли получить профессиональное образование. Т.к. формального запрета на их работу в качестве преподавательниц на курсах не было, с начала 1880-х отдельные исследовательницы начали вести преподавательскую деятельность на историко-филологическом отделении Бестужевских курсов. Начиная с 1890-х гг. массовая практика оставления женщин-историков «при курсах для усовершенствования в изучении» предметов, с одной стороны уравнивала их с историками-мужчинами, которые могли быть оставлены «при университете для приготовления к профессорскому званию», с другой стороны вовсе не гарантировала трудоустройство женщин в качестве преподавателей высшей школы. Невозможность научной аттестации женщин для получения степени магистра или приват-доцента закрепляла их маргинальное положение в российской науке. Ситуация изменилась в 1911 году: вышел закон, по которому женщины могли приобретать ученые степени магистра и доктора, чем полностью уравнивались в правах с мужчинами в академической среде. Несмотря на подкрепленное нормативно-правовыми актами Советской России преодоление гендерных асимметрий в законодательстве, реальное положение вещей долгое время оставалось прежним. Необходимо отметить, что подобные правовые коллизии существовали только в системе высшего образования – возможность самостоятельных занятий исследованиями и публикаций была ничем не ограничена.

Вхождение в мужскую академическую корпорацию для первых российских женщин-историков было затруднено из-за присущего им недостатка профессионального образования и отсутствия возможностей его получить в России, но благодаря адресной помощи отдельных известных историков, женщины постепенно начали проникать в историческое научное сообщество. Карьерные пути исследовательниц в дореволюционной России строились похожим образом: поступление на ВЖК – «оставление при курсах для усовершенствования в изучении» истории - командировка за границу - получение научной степени за границей - возвращение в Россию – (с 1911 года) получение научной степени в России. Установившаяся после 1917 года советская система высшего образования и организации науки декларировала равенство полов, однако вхождение женщин в академическую корпорацию шло очень медленно, с трудом и диспропорции в исторической науке были лишь отчасти ликвидированы к середине 1930-х годов. Уничтожение женских высших учебных заведений лишило женщин преимуществ

«позитивной дискриминации», а приоритет «пролетарского происхождения» и возросшая конкуренция со стороны мужчин за сократившиеся рабочие места привели к тому, что количество женщин-историков выросло незначительно. Многие женщины-историки были вынуждены менять сферу деятельности и уходить в смежные с историей области археографии, библиотековедения или педагогики, некоторые предпочли эмиграцию или переезд внутри Советского Союза для поиска вакантных мест. Создание ИКП, Комакадемии и установление системы аспирантуры на исторических факультетах в 1934 году изменили ситуацию: гендерные асимметрии в области трудоустройства научных работников, в целом, были преодолены.

Адаптация женщин как полноправных членов мужской корпорации историков происходила нелегко: хотя представительницы первого поколения женщин-историков получили поддержку со стороны именитых профессоров, формальные основания для отказа в преподавательской и научной деятельности на базе ВЖК делали их положение в науке неустойчивым. Заграничные командировки требовали финансовых вложений и наличия большого количества свободного времени, поэтому, несмотря на увеличение возможностей трудоустройства женщин-историков, лишь немногие из них могли позволить себе занятия наукой – гарантировать им профессиональное развитие и работу в сфере высшего образования было практически невозможно. С этим фактором связано формирование в историческом сообществе сферы «женской обслуживающей науки» – будущие исследовательницы могли рассчитывать на работу в архивах, библиотеках и одновременно использовать их возможности для создания исторических трудов. Основными формами адаптации к научной среде женщин-историков были просеминарии Высших женских курсов, в ряде случаев получавшие развитие в виде неформальных научных кружков под руководством знаменитых российских историков.

К положению первых женщин в отечественной исторической науке применим «эффект Матильды» (концепция, подразумевающая, что женщинам изначально было сложнее добиться успехов в науке, т.к. они обладали меньшим запасом доверия в академической среде и были в большей степени подвержены дискриминационным практикам). Среди примеров дискриминации первых российских и советских женщин-историков были: плагиат, присваивание научных результатов, дополнительная неоплачиваемая работа, отказ в трудоустройстве на преподавательские и исследовательские должности по гендерному признаку. В условиях государственных изменений в исторической политике (1917-1934 гг.) женщины зачастую находились в условиях «двойной дискриминации» (по признаку пола и по признаку социального происхождения): они чаще мужчин были вынуждены оставлять преподавательскую и научную работу, уходить в сферу «обслуживающей науки», менять специальность или место жительства. Одной из наиболее динамично меняющихся сфер профессиональной повседневности женщин-историков изучаемой эпохи стала экспедиционная работа. Замечательные отечественные исследовательницы А.Я.Ефименко, В.Н.Харузина, О.П.Семенова-Тян-Шанская, самоотверженно трудившиеся в экспедициях, заложили будущие успехи отечественной этнографии. Огромный интерес для последующего изучения представляет то, как изменилась профессиональная и домашняя повседневность замечательных этнографов и фольклористов советского периода: Н.И.Гаген-Торн, Г.М.Василевич, З.П.Соколовой, Ю.П.Петровой-Аверкиевой, Э.В.Померанцевой, А.В.Смоляк, В.К.Соколовой, Б.Х.Кармышевой.

Первые женщины-историки в России сразу же получили серьезную поддержку от лидеров академического сообщества. Если вначале знакомства с профессиональными историками случались в частном порядке, то после возникновения Высших женских курсов на них появилась система обучения исследованиям, а при желании курсистки могли выбрать себе научного руководителя и заниматься с ним дополнительно (подобное академическое наставничество не оплачивалось, но было важно для репутации известных историков). Женщины получили возможность на равных участвовать в неформальных

домашних семинариях известных исследователей, наставники также помогали им в вопросах трудоустройства и заграничных стажировок. Полная отмена различий в получении ученых степеней между мужчинами и женщинами в 1918 году и революционные события изменили практики наставничества: с одной стороны, теперь женщины с полным правом могли передавать свои знания студентам, с другой стороны, постепенно разрушались традиции дореволюционных исторических научных школ: в частности, домашние семинарии и тесное неформальное общение наставников и учеников ушли в прошлое. В связи с репрессиями историков в конце 1920-х - 1930-х гг. существовавшая система неформальных научных кружков была практически разрушена, уступив место индивидуальной работе наставника и ученицы.

Профессиональные успехи первых женщин-историков зачастую не одобрялись их родными, убежденными в необходимости следовать традиционному гендерному сценарию. Нарративы о детстве многих женщин-историков содержат рассказы о первом гендерном конфликте – осознании того, что появившееся желание стать исследователем противоречит усвоенным в семье гендерным установкам. Хотя для некоторых женщин-историков замужество повлияло на профессиональный выбор, зачастую браки с учеными сокращали их время на собственные исследования (они помогали мужьям в работе в качестве секретарей или литературных редакторов). В связи с этим некоторые женщины-историки выбирали безбрачие как наиболее удобную стратегию для продолжения научных занятий, остальные «ученые дамы» стали позже вступать в брак и откладывать рождение детей на более поздний срок. Сочетание научной работы и материнства в представлении многих исследовательниц было возможно только при условии наличия помощников или дополнительных источников средств к существованию.

Первые женщины-историки в Российской империи получали основные доходы от публикации исследований в научно-популярных исторических журналах (в том случае, если исследовательница была обеспечена мужем или родителями, она обычно отдавала предпочтение неоплачиваемой преподавательской работе, воспринимая профессию историка как хобби). Представительницы второго поколения женщин-историков получили возможность преподавать на Высших женских курсах, получая высокую заработную плату. В период Великой российской революции (1917-1922) все исследовательницы почувствовали ухудшение своего финансового положения, в 1920-е гг. материальное положение улучшилось, в первую очередь, у представительниц «красной профессуры».

В исследуемый период изменилась структура свободного времени исследовательниц: как правило, женщины-историки тратили его на продолжение своих научных занятий, перенимали типичные практики времяпрепровождения мужчин-ученых и пытались усвоить неформальные нормы академической корпорации на «вечерах и вечеринках», организованных их коллегами. Бытовая сторона свободного времени при этом отнимала меньше сил, чем у советских коллег: постоянное использование наемного труда и более стабильное экономическое положение позволяли заниматься наукой, не думая о необходимости искать средства для существования семьи. Расширение социальных рамок интеллигенции после Великой революции 1917-1922 гг., и постепенная институционализация женского труда в науке привели к тому, что исследования окончательно перестали быть лишь интересным хобби, превращаясь в карьеру с жесткими правилами существования и все более регламентированными должностными обязанностями. Распорядок дня успешной женщины-исследовательницы советской эпохи принципиально изменился: значительную долю времени в 1920-е гг. занимали хлопоты о благополучии семьи (улучшение жилищных условий, решение бюрократических вопросов). Важным условием успешной научной работы для женщин-ученых советского периода была возможность делегировать домашние дела родственницам или домашним помощницам. Отдых женщин-ученых стал более регламентированным: если до революции 1917 года они были свободны в выборе мест академического туризма и способах проведения досуга, то в 1920-е – 1930-е гг. их нерабочая общественная

активность должна была быть направлена только на одобренные государством цели, а места отдыха (санатории и курорты) рассматривались как нематериальные способы поощрения успешных ученых. С середины 1920-х гг. в результате государственной политики представительницы «красной профессуры» значительно улучшили свое материальное положение, но, тем не менее, они продолжали добиваться профессиональных успехов вопреки необходимости совмещать научную работу со «второй сменой» работы по дому.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Статьи, опубликованные в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ:

1. Преподавательницы Бестужевских женских курсов как феномен российской эмансипации второй половины XIX - начала XX в. // Вопросы образования. 2020. № 1. С. 302-316 (в соавт. с Пушкаревой Н.Л.);
2. "Занималась хозяйством": домашние работницы в повседневной жизни российских женщин-историков первой половины XX века // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 4(51). С. 5-15 (в соавт. с Пушкаревой Н.Л.);
3. Чем отличались труд и отдых женщин-ученых дореволюционной эпохи // Этнографическое обозрение. 2021. № 3. С. 131-135;
4. Детство в воспоминаниях российских женщин-историков второй половины XIX - первой половины XX в // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 2. С. 286-294;
5. К истории повседневного быта первых российских женщин-историков конца XIX - начала XX в.: досуг и отдых // Антропологический форум. 2021. № 49. С. 132-153 (в соавт. с Пушкаревой Н.Л.);
6. Практики научной повседневности в эго-документах первых русских женщин-историков второй половины XIX - начала XX вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27. № 1. С. 39-44.
7. Доход от профессиональной деятельности и паттерны экономического поведения русских женщин-историков второй половины XIX – начала XX в. // Вестник антропологии, 2021. № 4. С. 201–214.

Публикации в других научных изданиях:

1. Российские и советские женщины-историки в зарубежных научных командировках в первой половине XX века // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего: Материалы XII международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Калининград, 10–13 октября 2019 года. Калининград: БФУ имени Иммануила Канта, 2019. С. 430-433;
2. Историки на отдыхе: повседневная жизнь санаториев ЦЕКУБУ и Академии наук в 1920 - 1960-х гг // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2020. № 3(3). С. 39-50;
3. Дневники историка Е.Н. Ошаниной как исторический источник по повседневности советских дипломатов в Китае в 1930-е годы // Женское и мужское в традиционной и современной культуре: сохранение, фиксация, понимание: Материалы XIII международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. Казань, 01 января – 31 2020 года. Казань: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2020. С. 294-298;
4. Научная повседневность первых русских женщин-историков в пореформенный период // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 02–04 апреля 2020 года. СПб: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. С. 137-142;

5. Просопографический метод в исследованиях по гендерной истории // Социокультурное многообразие в современном мире. По материалам конференции молодых ученых. Москва, 11–13 декабря 2018 г.. М.: ИЭА РАН, 2019. С.221-229;
6. У истоков научного творчества первых русских женщин-историков: выбор профессионального пути // Альманах Конференции молодых ученых Института этнологии и антропологии РАН: выпуск I. М.: ИЭА РАН, 2020. С.138-146.